

«План Барбаросса»: истоки

Данилов Ю.Д., старший преподаватель кафедры гуманитарных наук учреждения образования «Брестский государственный технический университет»

18 декабря 1940 года Гитлером была подписана совершенно секретная директива №21, которая предписывала начать разработку плана нападения на СССР, получившего в своем последнем варианте кодовое название «План Барбаросса». В большинстве современных публикаций утверждается, что исходными идеями германского военно-политического руководства были положения (которые затем вошли в преамбулу документа) о том, что «...германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии...» [1], а также опыт, который вытекал из западноевропейского блицкрига 1939-1940 гг. Аналитики германского генштаба считали, что стратегия отдельных скоротечных кампаний, прерываемых значительными по времени стратегическим паузами для восстановления военного потенциала позволит добиться общего превосходства над противниками и установить полное господство над Европой.

Безусловно, одним из главных ситуативных мотивов, подталкивающим к походу на восток, стали растущая неопределенность по поводу целесообразности и неуверенность в успехе вторжения в Британию. На фоне таких колебаний Гитлер принял решение о разработке плана нападения на СССР, о чем и заявил на совещании с генералитетом в Бергхофе 31 июля 1940 года. Здесь же он представил и свои основные соображения относительно данной операции, что стало первой попыткой Гитлера проявить себя в качестве военно-политического стратега, которому предстояло осуществить планирование операций на огромных континентальных и морских пространствах и предусмотреть их последующее использование в интересах Рейха.

В современной научной и публицистической литературе при исследовании обстоятельств планирования нападения на СССР основной упор делается на анализ обстановки, сложившейся непосредственно в ходе начавшейся в 1939 году Второй мировой войны. Вместе с тем, недостаточно учитывается то обстоятельство, что этот поход был предопределён еще в конце XIX века, сразу после образования Германской империи и в значительной степени планировался к осуществлению еще в ходе Первой мировой войны.

Образование в 1871 году в центре Европы крупнейшего государства с почти 70-миллионным населением и быстро развивающейся экономикой создало много вопросов не только для других стран континента, но и для

самой Германии. Этим фактом было обусловлено появление значительного количества научных гипотез, пытавшихся дать ответ на вопрос, какое место в европейской политике должна занимать Германская империя, как она будет себя вести на международной арене и каким образом надо выстраивать с ней отношения. Уже в 1875 году известный немецкий философ-востоковед Пауль де Лагард представлял границы будущего германского государства простирающимися от Бельфора до Люксембурга на западе, от Немана до рубежа готского переселения на восточном побережье Черного моря, до Адриатического моря на юге с перспективой расширения в Малую Азию. Германия, с ее имперскими устремлениями, стала не только центром становления и развития геополитической науки, но превращения ее в реальную политическую практику на многие последующие десятилетия.

Одной из наиболее видных теорий стала доктрина профессора географии Лейпцигского университета Фридриха Ратцеля, который развивая концепцию К. Риттера о «жизненном пространстве» («Lebensraum»), сформулировал закономерности пространственного роста государств на основе которых вывел тезис о том, что «...растущий народ нуждается в новых землях для увеличения своей численности...» [2]. Он в своих трудах утверждал детерминизм борьбы за существование между государствами, в которой те, которые борются за расширение территорий – выживают и достигают статуса мировых, а те, которые не заботятся об увеличении своей территории, обречены на умирание. Ратцель указал и порог площади – своеобразную единицу измерения геополитического величия – 5 млн. км. Данная величина весьма примечательна для последующего понимания геополитических шагов фашистского режима. Ратцель утверждал, что категория «пространство» является фундаментальной, потому что дает возможность оперировать, и определенным способом управлять общественными отношениями и даже сознанием населения.

Изначально, концепция Ратцеля рассматривалась как альтернатива мальтузианству – популярному учению середины XIX века, созданному английским экономистом и демографом Т. Мальтусом. В ней утверждалось, что рост народонаселения значительно превосходит способности планеты воспроизводить средства существования, что в конце концов приведет глобальному социально-экономическому коллапсу. Англичанин достаточно убедительно описал закономерности экономико-демографического развития доиндустриальных развивающихся обществ, что было учтено в трудах Ф. Ратцеля, Р. Челлена и других представителей зарождающегося континентального направления в геополитике. Однако к концу века оно превратилось в полностью самостоятельную доктрину, которая последовательно реализовывалась как внешнеполитическая практика руководством Германской империи вплоть до конца своего существования.

Важно отметить, что после поражения в Первой мировой войне, распада Российской, Австро-Венгерской и Османской империй, в самой

Германии наступило своеобразное геополитическое безвременье. В определенном смысле оно стало одним из идеологических факторов политического успеха нацистской партии и прихода Гитлера к власти, который умело разыграл карту униженного самосознания немцев, называя их «самой разобщенной нацией Европы».

Главным теоретиком новой имперской политики в 20-е-30-е годы стал Карл Хаусхофер, который создал собственную геополитическую школу и распространял свои идеи через самим же издаваемый журнал «Zeitschrift für Geopolitik». Подхватив идею Ратцеля о «жизненном пространстве», он выступил с идеей, что существующие германские границы несправедливы, тесны для развития государства, а потому нуждаются в расширении.

Он выделил три хронологических этапа данного процесса с указанием необходимости решения конкретных территориальных задач:

1. Объединение мелких германских государственных образований вокруг наиболее сильного ядра (Пруссии) и создание единого немецкого государства – завершено в 1871 году созданием Германской империи.

2. Включение в состав германского государства всех территорий Европы, заселенных немцами – завершено к 1938 году захватом Судетской области и аншлюсом Австрии.

3. Расширение жизненного пространства за счет захвата части европейских государств, завоевания, оккупации и «освоения» европейской части СССР (что гипотетически должно было быть решено в ходе реализации «Плана Барбаросса»).

Идеи Хаусхофера стали очень популярны в стране, достаточно сказать, что к 1935 году они вошли в школьный курс географии, а для самого автора были организованы специальные радиопередачи, в ходе которых он пропагандировал свои взгляды.

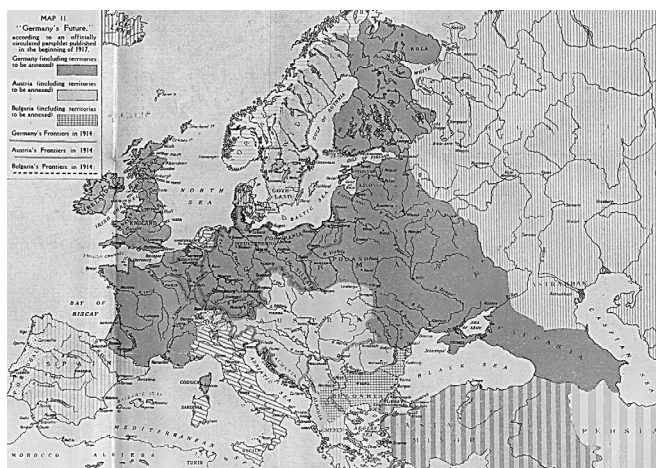
О том, что концепция «жизненного пространства» захватила самого Гитлера говорит тот факт, что в написанной им в 1928 году, и не изданной при жизни «Второй книге» («Zweites Buch»), этот термин и его синонимы («Grund und Boden», «Grundflyche», «Bodenfläche», «Boden», «Grund» и «Raum» и др.), упоминаются значительно чаще, чем в более широко известной «Майн кампф» [3].

Термин нашел позитивный отклик и в рядах «Народного движения» (Фёлькише бевеунг) и Всегерманского союза (Alldeutscher Verband).

Категорию «жизненное пространство» широко использовали в контексте отношения к немецким меньшинствам, проживающим в других странах Европы. Это делалось, прежде всего с упором на то, что земли, заселенные немцами, не должны быть утеряны для Германии. Идея расширения континентальных границ, во внешней политике страны пользовалась приоритетом по отношению к расширению заморских колоний.

Значительный вклад в популяризацию «общегермански» ориентированной поселенческой политики внес опубликованный в 1926 году тиражом в 700 тыс. экземпляров роман Ганса Гримма «Народ без пространства» (Volk ohne Raum), который, также, как и теория Хаусхофера, вошел обязательным пунктом в школьные программы. В нем автор настойчиво проводил идею, что Германия не сможет развиваться и будет обречена на вымирание, если не станет проводить политику, направленную на расширение своих границ до пределов, необходимых для выживания нации. Важно при этом отметить, что такие представления о новых границах не стали чем-то совершенно новым во времена Веймарской республики, как и нет никаких оснований стопроцентно полагать, что талантливый немецкий литератор преднамеренно занимался имперской пропагандой. Однако факт остается фактом, и в его произведении четко прослеживается идея необходимости расширения пространственных границ Германии именно с точки зрения жизнеобеспечения нации.

Следует напомнить, что именно так представляли цели Германской империи в I Мировой войне в политических кругах западноевропейских стран. Например, вызывает интерес карта, которую в 1918 году опубликовали британские аналитики Эдвард Салмон и Джеймс Ворсфорд. На ней четко указаны территориальные притязания Германии, которых она не достигла по итогам империалистической войны [4].

Достаточно даже беглого сравнения данного документа с геостратегическим планом Хаусхофера, чтобы стало очевидным: в своей концепции немецкий геополитик предложил реализовать то, что по причине поражения Германии в Первой мировой войне сделать не удалось.

Что касается дальнейшего расширения жизненного пространства на восток, то и здесь четко прослеживается следование Хаусхофером теоретическим выкладкам Ратцеля, а именно – необходимости достижения знаковой для великой державы площади территории в 5 млн. кв.

км. По сути, именно эта идея и легла в основу военно-стратегического планирования нападения на СССР.

Во всех вариантах плана на выход немецких войск к стратегическому рубежу

Архангельск-Астрахань

отводился срок до зимы 1941 года. Он предусматривал

оккупацию советской территории примерно в 3,5 млн. кв.

километров. С учетом того, что Рейх уже контролировал более

половины площади

западноевропейского субконтинента (ок. 1,5 млн. кв. км), то получалась как раз та цифра, которую более полувека тому назад предложил Ф. Ратцель.

Интересен и тот факт, что на данном этапе оккупации, не планировался выход Вермахта к промышленным районам Урала, для чего требовалось наличие мощного и дорогостоящего флота дальней бомбардировочной авиации. Эту идею неоднократно продвигал шеф люфтваффе Геринг и постоянно получал отказ со стороны Гитлера. Практически же, вермахт оккупировал 1,93 млн. кв. км европейской части СССР с населением 84 852 млн. человек, т.е. 40% ее территории, на которой проживало 45% населения СССР.

Для полноты понимания связи геополитических построений Риттера-Ратцеля-Хаусхофера с подходами к разработке плана Барбаросса следует обратить внимание и на другой важнейший документ – директиву № 32 «Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса» от 30.06.1941 года. В ее преамбуле говорилось, что «...после разгрома вооруженных сил России, Германия и Италия будут господствовать в военном отношении на всем европейском континенте...» и это исключит любые сухопутные угрозы Германии, что позволит лучше подготовиться в войне на море против Британии и США [5]. Конечной целью военного строительства в этот период, директива провозглашала «создание европейско-западноафриканского бастиона против англо-американской коалиции», установления контроля над странами Ближнего и Среднего Востока, Суэцким каналом, Закавказьем и ближневосточными нефтяными месторождениями.

По сути, данный план предусматривал реализацию концепции Артура Дикса, который в середине 20-х годов активно участвовал в разработке планов военно-хозяйственной деятельности и не исключал существование «единой Европы» под эгидой Германии, которое может сложиться в условиях наличия единого и монолитного пространства от Северного моря

до Персидского залива. В сочетании с генеральным планом «Ост» (Generalplan Ost), директивы №21 и №32 представляли собой обширные по содержанию и пространственным параметрам, программы переформатирования мирового пространства в соответствии с панрегионалистской идеей 30-х годов, в которой приоритет принадлежал широтной экспансии. Хаусхофер считал ее содержание для Германии («*conditio Germaniae*») состоит в преодолении сложившегося и несправедливого для нее установления границ. В этом смысле, реализуемый посредством «плана Барбаросса» *Drang nach Osten* – бросок на восток, рассматривался как один из наиболее приемлемых вариантов устранения данной несправедливости.

Продвигаемая в 20-30-е годы Хаусхофером и его сподвижниками О. Обетом, О. Мауллем, К. Вовинкелем концепция континентального блока и оси Берлин-Москва-Токио также в полной мере базировалась на идеях Ратцеля о «жизненном пространстве».

В ряде исторических и публицистических источников указывается, что ни в одной из 400 книг, написанных Хаусхофером, нет прямой апологии войны и экспансии. Однако это не может служить оправданием того, что он не понимал, что между теоретической и прикладной геополитикой границ практически не существует. Профессор на протяжении многих лет поддерживал тесные отношения с нацистской верхушкой, непосредственно контактировал с Гессом, Риббентропом, Геббельсом, Гиммлером и самим Гитлером (предполагается, что помогал ему в написании «Майн Кампф»). Именно благодаря ему произошло знакомство будущего фюрера с геополитикой, которую он безусловно использовал при разработке и воплощении своих замыслов о завоевании мирового господства.

Послевоенные попытки Хаусхофера каким-то образом оправдаться, например, написанием в 1946 году под давлением американских профессоров «Апологии немецкой геополитики», не слишком убедительны. А факт привлечения к суду военного трибунала в Нюрнберге в качестве свидетеля и последовавшее за этим самоубийство, в большей степени склоняют к мнению о боязни разоблачения, пусть опосредованного, но участия в разработке агрессивных планов нацистов.

Литература:

1. Директива № 21. План «Барбаросса», 18 декабря 1940 г. 100(0) ключевых документов по германской истории в 20 веке. Bayerische Staatsbibliothek [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0009_bar&object=translation&l=ru. – Дата доступа: 01.02.2020.
2. Ивашов, Л. Опрокинутый мир. Тайны прошлого - загадки грядущего [Электронный ресурс]. – М. : Книжный мир, 2016. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/oprokinutyj-mir-tajny-proshlogo-zagadki->

gryadushchego-chto-skryvayut-arhivy-specotdela-nkvd-anenerbe-read-446462-1.html. – Дата доступа: 01.02.2020.

3. Первушин, А. И. Тайная миссия Третьего Рейха. Серия: Носители тайных знаний. – М. : Алгоритм, 2012. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=189990&p=1>. – Дата доступа: 01.02.2020.

4. The British Dominions Year Book 1918. Edited by Edward Salmon and James Worsfold. London: Eagle, Star and British Dominions Insurance Co. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.utexas.edu/maps/historical/british_dominions_yearbook/ger_future_1917.jpg – Дата доступа: 01.02.2020.

5. Директива № 32 «Подготовка к периоду после осуществления плана операции “Барбаросса”». 1941-й год. Книга вторая. Июнь 1941 года. Документ № 540// Фонд Александра Яковлева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1011943> – Дата доступа: 01.02.2020.

ТЕОРИЯ ВОПРОСА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ВАЛЮТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А.И.Литвинюк, доцент кафедры социальных наук, А.В.Ходаковский, курсант учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь»

Анализ теоретических положений создания межгосударственных валютных союзов, в частности, теории оптимальных валютных зон, а также международный опыт их функционирования показал, что успешность их реализации зависит от множества факторов экономического, политического и организационного характера. Важнейшим условием для стран, вступающих в зону общей валюты, является близость общих экономических характеристик, которая позволяет избежать асинхронности воздействия на экономику, как внешних шоков, так и проводимой в валютной зоне монетарной, фискальной политики и обменного курса по отношению к внешним валютам. При выполнении этого условия инструменты денежно-кредитной политики в различных фазах экономического цикла будут обеспечивать идентичную, – стимулирующую либо рестриктивную, – реакцию экономик стран, входящих в единую валютную зону. В качестве критериев выделения потенциально оптимальной валютной зоны в теории фигурируют однородность отраслевой структуры, товарной структуры внешней торговли, близость уровня экономического развития и конкурентоспособности, наличие кооперационных связей между производителями, схожесть институциональной среды и т.д.

В экономической теории валютный союз рассматривается как завершающая стадия экономического союза и положительный эффект от его